

О ФУНКЦИОНАЛЬНО-РЕЧЕВОЙ СИСТЕМНОСТИ ТЕКСТА

In this article text is considered as a functional system, which aim is an idea, and result – directly text itself as a speech product corresponding to language norms and laws.

Как известно, любое предложение, взятое вне текста, хоть и обладает своим элементарным смыслом, тем не менее, раскрывается в плане передачи сообщения только в рамках определенного контекста. Рассмотрим это на примере следующего текста: *Это случилось в XV в. в городе Венеция [1]. Книготорговец Альдус Мануций, который был владельцем типографии и наборщиком, однажды решил перед вопросительным предложением поставить букву Q, потому что это первая буква латинского слова квесцис – вопрос [2]. Эта буква стала родоначальницей нового знака препинания [3]. В конце XVI в. из нее возник хорошо нам известный вопросительный знак [4]. Он образовался из крючка в правом углу буквы, внизу появилась и точка [5]. К сожалению, никто не зафиксировал, когда и где она появилась впервые [6] (журн.)*. Предложения, образующие связный текст, объединены единством темы сообщения и раскрывают эту тему. Но степень их самостоятельности неодинакова. Так, первое предложение, будучи извлеченным из текста, имсет неопределенное содержание (*что случилось? – это*), которое раскрывается в следующих за ним предложениях. Смысл третьего предложения становится понятным только в связи со вторым, где содержится указание, какая именно буква стала родоначальницей нового знака препинания. Смысловая неопределенность присуща вне контекста всем остальным предложениям (4, 5, 6), так как в их составе употребляются личные местоимения 3-го лица *из нее, он, она*, которые заменяют имена существительные, употребленные в каждом из предшествующих по отношению к последующему предложениях: *из нее – из буквы, он – вопросительный знак, она – точка*. Только в связи друг с другом, будучи объединенными по смыслу и структурно, такие предложения начинают восприниматься как выражение законченной мысли.

Таким образом, мы убедились, что текст может быть адекватно понят и истолкован только при условии восприятия его как целого, как орудия регуляции. Построчное, «пословное», «предложенческое» прочтение – всего лишь шаги, всего лишь приближение к этой главной цели. Как отмечает Жинкин, «предложением управляет текст. Человек не говорит отдельно придуманными предложениями, а од-

ним задуманным текстом». Это предъявляет требования к отбору грамматического состава текущего предложения. Возможных вариантов грамматических связей очень большое количество, и они не могут постоянно применяться в каждом соседнем предложении. Длина предложения разная, разнообразна и распространенность предложения, т. е. привлечение тех или других вариантов управляемых словоформ. Но грамматический механизм, автоматизированный в навыке, обеспечивает незамечаемую связь двух совершенно различных механизмов. Вероятно, это обстоятельство стало причиной того, что так долго в науке о языке за грамматикой не замечали текста. Грамматика кончалась на предложении. В результате оставались необъясненными довольно существенные стороны динамики грамматических вариаций.

Обращение к тексту дало возможность рассматривать язык и речь в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Существует достаточно много вариантов определения текста. Вот только некоторые из них: «текст – это сообщение, существующее в виде такой последовательности знаков, которая обладает формальной связностью, содержательной цельностью и возникающей на основе их взаимодействия формально-семантической структурой» (Лукин) или: «акт применения естественного языка, обладающий определенным комплексом свойств. Ему присущи связность и завершенность. Текст четко отграничен от всего ему внешнего, от окружающей речевой и внеречевой реальности. Проще говоря, он имеет ясно выраженные начало и конец, составляя цепь (группу) предложений, которая является минимальной (неделимой) коммуникативной единицей» (Хализеев), или: «под текстом мы будем подразумевать связную компактную, воспроизводимую последовательность знаков и образов, развернутую по стреле времени, выражающую некоторое содержание и обладающую смыслом, в принципе доступным пониманию. Под это определение подпадают разнообразные последовательные тексты» (Брудный) и т. д.

Согласно известной концепции А. Р. Лурия, «путь» речевого высказывания формируется следующим образом: началом данного процесса является мотив, который затем обрабатывается внутренней речью – языковым оформлением мысли без ее внешней манифестации с

опорой на семантические схемы (предметные коды, коды образов и т. п.), затем происходит внутреннее программирование, которое приводит к формированию глубинно синтаксической структуры, развертывающееся во внешне речевое высказывание. Подобная иерархия создает впечатление дискретности процесса, но на самом деле он неразрывный. Ступенчатое моделирование позволяет только передать общую направленность речевой деятельности, высшей формой которой является текст.

В регулятивном функциональном языкознании текст понимается как инструмент непосредственного воздействия на собеседника, адресата, партнера.

Представления о тексте как о функциональной системе основываются на понятии функциональной системы, введенной в научный обиход физиологом П. К. Анохиным, который утверждает, что «смысл системного подхода состоит именно в том, что элемент или компонент функционирования не должен пониматься как самостоятельное и независимое образование. Он должен пониматься как элемент, чьи оставшиеся степени свободы подчинены общему плану функционирования системы, направляемому получением полезного результата. Компонент должен быть органическим звеном в весьма обширной кооперации с другими компонентами системы. Естественно, что это правило относится к любому компоненту любой подсистемы, как бы элементарна она ни была».

На основании вышеизложенного определения системы можно заключить, что текст — это *функциональная система*, целью которой является идея, а фокусированным результатом — непосредственно сам текст как речевое произведение, построенное по законам данного языка.

Согласно теории Анохина и Бернштейна, текст, являясь результатом некоторой коммуникативной деятельности, имеет некоторый план, некоторый сценарий, который должен быть реализован. Применительно к тексту как к функциональной системе желательным финалом является образ текста на выходе.

По-видимому, план текста у пишущего не существует, потому что пишущий человек, заинтересованный в том, чтобы результат этого процесса был цельным, соразмерным, может несколько раз возвращаться обратно и начинать перечеркивать и переделывать написанное ранее. Но ни в одном из случаев у пишущего нет схемы образа текста. Скорее всего у него имеется некоторое представление о том, что он хочет, которое основывается на фоновом знании и на каких-то образных смысловых опорных точ-

ках. Фоновая информация, которая сопровождает тексты и в которой находится текст, представляет собой некоторую семантическую структуру. На этом общем фоне знаний строится смысловая структура, наши представления о том, что мы хотим получить на выходе.

Порождение текста связано со способностью памяти к нерасчлененной переработке языковой и речевой информации и следует из нее. Всё, что нужно продуцировать говорящему, уже содержится в его языковой памяти в виде готовых блоков информации.

Таким образом, что касается текстопорождения, можно заметить, что факторы, отмечаемые почти во всех работах по теории текста и упомянутые выше (авторское начало, идейное содержание произведения, законы языка и т. д.), являются вполне исчислимыми.

Однако сам процесс деривации текста скрыт от непосредственного наблюдения и вряд ли в момент своего протекания поддается сознательному анализу. Предполагается, что некоторые процессы автоматизированы, а некоторыми можно управлять. В то же время внутренняя логика развития смысла текста не поддается строгому прогнозированию. Видимо, текст обладает самодвижением не только в плане отбора и организации языковых единиц, но и в плане формирования своего содержания и образной системы. По несколько раз пишущий, как уже упоминалось выше, может обращаться к первоначальному варианту текста, изменяя в нем некоторые слова, целые предложения, при условии, что цель остается прежней. В мировой литературе известно множество примеров, когда части произведений, некоторые строки из стихотворений переделывались. Трудно сказать, что явилось тому причиной. Возможно, выбор языковых единиц, а возможно, и само содержание и образность, которые формируются на определенном уровне создания текста. Согласно теории П. К. Анохина, в функциональной системе результат господствует над системой в целом и над каждым ее элементом, а в случае необходимости результат актуализирует потенциал всей системы и каждого ее элемента и, «благодаря обратной афферентации, имеет возможность реорганизовать систему, создавая такую форму взаимодействия между ее компонентами, которая является наиболее благоприятной для получения именно запрограммированного результата». По всей видимости, нечто подобное происходит с текстом в случаях, рассмотренных ранее.

Тем не менее некоторые ученые считают, что приемы деривационного движения текста как функциональной системы вполне опреде-

лиммы. Они отражаются на поверхностном, языковом уровне текста, и по ним можно судить, правда, весьма приблизительно, о логике развития смысла. Основным законом построения текста Л. И. Мурзин называет инкорпорирование, где каждый последующий элемент строится на базе предыдущего и включает его в себя, и два других закона – контаминация и компрессия, которые также участвуют в образовании текста.

На примере стихотворения Б. Пастернака «Сон» можно попробовать представить текст как функциональную систему со всеми вытекающими отсюда выводами:

Мне снилась осень в полусвете стекол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку тебе.

Но время шло и старилось, и глохло,
И паволокой рамы серебра,
Заря из сада обдавала стекла
Кровавыми слезами сентября.

Но время шло и старилось. И рыхлый,
Как лед, трещал и таял кресел шелк.
Вдруг, громкая, запнулась ты и стихла,
И сон, как отзвук колокола, смолк.

Я пробудился. Был, как осень темен
Рассвет, и ветер, удаляясь, нес,
Как за возом бегущий дождь соломин,
Грядущим бегущих по небу берез.

Все элементы текста вовлечены в процесс отражения движения времени. В линейном движении представлена жизнь человека, в циклическом – времена года. На языковом уровне это участие представлено грамматическими категориями, в частности глагольным видом. Формы глаголов совершенного вида называют явления, имеющие конец во времени (запнулась, стихла, пробудился). Формы

несовершенного вида обозначают постоянное, вечное (время шло, старилось, заря обдавала стекла, спускалось сердце (о вечности любви)).

Осознанно ли автором были выбраны данные формы? Скорее всего, в процессе создания стихотворения у поэта это происходило на уровне подсознания, интуитивно, применительно к ситуации. По мнению Жинкина, человеческий язык всегда ситуативен. Ситуация отображается в конкретной лексике. У человека накапливается смысловой опыт для того, чтобы учесть эту ситуативность и умело преодолеть её. Ситуативность – это знание в определенных условиях. Однако это не значит, что мы получаем информацию только в этих определенных условиях. Так, если мы смотрим через синее стекло, то изображение будет синим, а его форма не изменится. Так же происходит и в условиях речевой ситуации, которая ограничена сенсорными механизмами, принимающими эту информацию.

Таким образом, рассматривая текст как функционально-речевую систему, можно заключить, что все процессы, происходящие в тексте, подчинены общей цели, которая воздействует на них, активизирует их, чтобы получить полезный результат, под которым мы понимаем не что иное, как сам текст.

Литература

1. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. – М., 1978.
2. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М., 1982.
3. Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество (Избранные труды). – М., 1998.
4. Квачек В. Е., Янович Е. И. Русский язык. – Мн., 1999.
5. Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. – Пермь, 1984.